МАРИНА ВЕТРОВА ✦ АМИНА ВОЛКОВА

Предательство мужа.

Ты продал меня за долги, но хозяин гор заставил тебя ответить!

Марина Ветрова

Предательство мужа. Ты продал меня за долги, но хозяин гор заставил тебя ответить!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Предательство мужа. Ты продал меня за долги, но хозяин гор заставил тебя ответить! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Муж подсыпал мне что-то в бокал, а очнулась я в ледяном подвале чужой крепости.Артём проиграл деньги и отдал меня в залог людям, для которых женщина — товар.Я должна работать переводчицей, чтобы погасить его долг. Но страшнее плена другое: где моя дочь Алина?Хозяин гор Ислам привык повелевать и не терпит возражений. Я ненавижу его правила, но именно он может помочь найти ребёнка и наказать предателя.Чем сильнее мы сближаемся, тем труднее отличить защиту от новой клетки. Цена каждой ошибки становится слишком высокой.Смогу ли я вернуть свободу, спасти дочь и поверить мужчине, который однажды назвал меня своей собственностью?

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Марина Ветрова, Амина Волкова Предательство мужа. Ты продал меня за долги, но хозяин гор заставил тебя ответить!

Глава 1

Я открыла глаза и не увидела даже собственных коленей. Зажмурилась, открыла снова. Та же чернота. Больше всего пугало, что я не могла понять, смотрю на стену или в пустоту. Я проснулась от холода, который пробирал до костей, словно меня окунули в ледяную реку и забыли вынуть. Голова раскалывалась с такой яростью, что каждый удар сердца отдавался звонким эхом в висках.

Попытка пошевелить пальцами обернулась провалом. Тело отказывалось слушаться, став чужим, ватным грузом. Я хватала воздух ртом и всё равно задыхалась. Пришлось считать: вдох, выдох, ещё раз. Не торопиться, даже если кажется, что следующий вдох не получится. Понемногу онемение отступило. Я с трудом подняла руки и потянулась к стенам. Камень был шершавым, влажным, покрытым какой-то липкой плесенью. Он пах сырой землей и древней пылью. Я ощупывала его, превращая ужас в механическое действие, пока кончики пальцев не наткнулись на грубо высеченный край дверного проема.

В голове вспыхнул кадр: вечерний ресторан, запах дорогого парфюма Артёма, блеск его часов. Его рука легкая, почти нежная, скользнула по моему запястью. «Успокойся, Лена», — шептал он тогда. А потом — темнота. Не сонная, а химическая. Я вспомнила горечь напитка и движение его руки над моим бокалом перед выходом. Это было не случайное опьянение. Артём придерживал мой бокал, пока я пила. Улыбался. Мне понадобилось вспомнить эту улыбку, чтобы перестать искать для него оправдание. Ненависть свернулась в животе тугой пружиной, но я отогнала образы. Хотелось найти его лицо в темноте и ударить. Но передо мной был только камень; надо сначала найти выход.

Тишина вокруг стала невыносимой. Никакого гула машин, никакого шелеста шин по мокрому асфальту, никакого привычного шума города. Только вода. Где-то далеко капало. «Кап. Кап. Кап.» Монотонный ритм, отсчитывающий секунды моего заточения. Я начала считать капли, создавая собственный метроном, чтобы не сойти с ума от пустоты. Один, два, три... Десять. Двадцать. На сотой капле мой разум немного прояснился, и я услышала голоса.

Они доносились откуда-то сверху, через толстую дубовую дверь, которая едва ли пропускала звуки. Но я прижалась ухом к щели в камне, игнорируя страх быть услышанной. Голос Артёма. Такой знакомый, бархатный, деловой. И рядом — хриплый старческий бас, говоривший на ломаном русском, с гортанными звуками, которые резали слух.

— Она тихая, не будет проблем, — слышался голос мужа, полный самодовольства. — Девушка как вещь, гарантия долга. Ты же знаешь, я не подведу.

Я вжала ладонь в рот. Он говорил обо мне тем голосом, которым по телефону обсуждал доставку машины. Он не просто потерял деньги в казино внизу долины. Он продал меня. Как товар. Как скотину. Чтобы закрыть свой долг и укрепить связи с местными авторитетами. Внутри всё кричало, требовало завыть, разбить голову о камень, но снаружи я кусала губы до металлического привкуса крови. Тишина. Я должна молчать. Если они узнают, что я слышу, мне конец.

Дверь скрипнула. Свет ударил в глаза, как физический удар, заставив зажмуриться. Сквозь пелену боли я увидела силуэт охранника. Крупный мужчина в куртке с пятнами грязи держал в руке нож. Лицо его было абсолютно равнодушным, словно перед ним стоял мешок картошки, а не живая женщина. Он не сделал ни шага навстречу. Просто бросил внутрь миску с остывшей кашей и флягу воды.

— Жива будешь — пригодится хозяину, — хрипло сказал он и захлопнул дверь обратно, оставив меня в темноте.

Я сидела на холодном полу, глядя на свои дрожащие руки. Он сказал «пригодится». Значит, убивать меня пока не собирались. Я ухватилась за это слово, хотя ещё минуту назад меня тошнило от всего, что говорил охранник. Я растерла ладонью мокрые щеки. Надо было пить воду и беречь голос. Если эта дверь откроется снова, я хочу встретить их на ногах, а не лицом в миске.

Пока я считала удары собственного сердца, за дверью раздался новый голос. Низкий, бархатный, властный. Он произнес всего одно слово, от которого у Артёма, судя по тишине, перехватило дыхание:

«Смотреть».

Я задерживала дыхание, чтобы расслышать, куда уходят шаги. Без собственного сопения за стеной проступали чужие голоса. Каменная келья пахла сыростью, плесенью и чем-то еще — сладковатым гнилостным запахом старого дерева. Я сидела на полу, поджав ноги, чтобы сохранить хоть каплю тепла. Холодный камень прокусывал ткань платья до костей.

Мне нужно было понять, где я. Где дочь. Жива ли она вообще.

Я подняла руку и ударила кулаком по стене. Глухо. Тупой звук, будто била в мешок с песком. Ни эха, ни отклика. Снаружи только шорох шагов. Кто-то подошел вплотную к двери, остановился, но не открыл. Просто слушал меня, как слушают зверя в клетке.

Голос Артёма прорвался сквозь толстую кладку. Дрожащий, жалкий, чужой.

— Отец, ну пожалуйста... Мне нужно время. Три дня! Я переведу деньги из банка. Вы же знаете, я не могу просто так оставить все дела.

Старик ответил рычанием. Ломаный русский, в котором каждый слог звучал как удар молотка.

— Товар оплачен авансом. Цена зависит от качества услуги. Ты привел ее живой? Она целая? Не сломана?

«Услуга». Слово повисло в воздухе, тяжелое и грязное. Они говорили обо мне. Как о вещи. О инструменте. В животе скрутило узел тошноты.

Артём засуетился, звеня стеклом или металлом.

— Часы! Возьмите часы! Телефон дорогой, айфон пятнадцатый. Отпустите меня одного, я принесу больше. Я знаю людей в городе, они заплатят выкуп...

Старик рассмеялся. Коротко, сухо.

— Вещи бесполезны в горах. Еда и кровь имеют цену. Бумага имеет цену. Ты сам подписал бумагу. Жена является залогом до полного расчета. Ты прочитал условия? Или ты, городской баран, умеешь только считать чужие деньги?

Я хотела закричать. Хотела вырвать это «залог» у него изо рта, впиться ногтями в его лживую щеку. Я набрала воздуха, чтобы крикнуть: «Артём!» Но горло свело спазмом. Голос сорвался на хрип, слабый писк мыши.

За стеной разговор резко оборвался. Раздался звон разбитого стекла. Артём швырнул стакан от нервов. Звук осколков, падающих на пол, вызвал у меня приступ физического отвращения. Дома после такого звона я обычно бежала убирать осколки, а он кричал, что я сама его довела. Здесь перед ним был старик, которому так не скажешь. Стакану досталось вместо него.

В наступившей тишине появился другой голос. Низкий, спокойный, почти ледяной. Он не повышал тона. Я отодвинулась от щели, хотя он ещё не обращался ко мне.

— Почему шумят?

Артём запыхтел, оправдываясь:

— Это эта дура... она пытается...

— Замолчи.

Артём оборвал оправдание на середине слова. Я знала, как он ненавидит, когда его перебивают; сейчас даже не огрызнулся.

Я перестала стискивать зубы. До чего же хотелось, чтобы Артём хоть раз послушался этого «замолчи». Я отняла ладонь от рта. Впервые за этот разговор смогла вдохнуть глубоко: хоть кто-то заткнул его прежде, чем он успел назвать меня дурой второй раз.

Голос продолжил говорить с моим мужем, игнорируя мое существование за дверью.

— Условия сделки остаются прежними. Если твоя жена полезна как переводчик с турецкого и арабского, долг уменьшается. Каждый день полезного труда снижает сумму процентов. Если нет...

Пауза была долгой. Я слышала, как скрипит зубами Артём.

— ...она останется здесь навсегда. Как часть интерьера. Или корм для собак внизу. Тебе выбирать, Артем. Быть человеком или быть должником.

— Да! Да, она знает языки! Она училась! Только отпустите меня! Я уеду сейчас же!

Я повторила про себя его «отпустите меня». Не нас. Меня. Такую оговорку я бы поправила в переводе; здесь поправлять было нечего. Он согласился на всё, лишь бы уйти. Я ждала, что он хотя бы спросит, что будет со мной. Он торопил их, повторяя, что уедет сейчас же.

Дверь скрипнула и открылась на секунду.

Свет бросил в глаза луч, ослепительный и резкий после темноты. Я зажмурилась, инстинктивно закрывая лицо руками. Сквозь пальцы видела темный силуэт. Широкие плечи, запах кожи и холодного горного воздуха.

— Ислам, она целая, — заторопился Артём.

Мужчина смотрел на меня. Не с презрением. Не с садистским удовольствием. Он оценивал. Холодно, расчетливо, как механик осматривает двигатель, который должен тянуть воз.

— Она жива? — спросил он, не глядя на Артёма.

— Да, да, конечно, жива! — заголосил муж.

Ислам сделал шаг внутрь. Я видела его руки. Большие, со шрамами на костяшках. Он не коснулся меня. Только посмотрел в мои покрасневшие глаза.

— Завтра я решу, нужна ли мне ты живой или мертвой, — сказал он ровно.

Дверь захлопнулась. Темнота вернулась, став плотнее прежней.

Он спросил, жива ли я, как спрашивают, работает ли дорогая техника. Мольбы его не заинтересуют. А языки заинтересовали — иначе он не стал бы перечислять их Артёму. Нужно было удержаться за это: я умею то, за что он готов уменьшить долг.

Я сидела в углу, чувствуя, как тело начинает дрожать мелкой дрожью. Я всё ещё боялась щелчка замка. Но за этим страхом уже собирались слова для разговора, если мне позволят его начать: языки, документы, работа. Они сами сказали, что им от меня нужно.

В темноте кельи по щеке потекла слеза. Я провела пальцем по разбитой губе; на коже осталась липкая полоса крови. Я прикусила губу до боли, пока слушала удаляющиеся шаги Артёма. Он уходил. Шаги не остановились у моей двери.

Глава 2

Тридцатая зарубка на стене. Я выцарапываю её после утренней миски: другого календаря здесь нет. Темнота здесь не просто отсутствие света. Она плотная, как ватное одеяло, пропитанное запахом плесени и старого камня. Я лежу на спине, чувствуя, как каждый шов между плитами впивается мне в спину. Камень холодит так, что сквозь тонкую ткань платья я ощущаю его ледяную хватку, проникающую прямо в кости.

Желудок скручивает судорогой. Подтягиваю колени к животу: на миг боль отпускает, но стоит распрямиться, и снова колет под рёбрами. Зубы сами собой смыкаются до скрипа. Я пытаюсь уснуть, чтобы обмануть тело, но сознание отказывается отключаться. Оно бьется в висках, требуя еды. В горле стоит ком сухой глины.

Я подношу запястье к лицу. Кожа бледная, почти синеватая в этой вечной ночи. Не думая ни секунды, я кусаю себя. Резко. До боли. До крови. Металлический вкус наполняет рот, перебивая привкус тошноты. Боль отвлекает мозг от голода, заземляет меня, возвращает контроль. Я дышу часто, коротко, слушая стук своего сердца. «Жива», — говорю я себе. «Еще жива». На коже остаются отметины зубов. Я отнимаю руку от рта. Нельзя калечить себя дальше: эти пальцы ещё понадобятся мне, когда откроется дверь.

И тут появляется он.

Сначала я слышу смех. Тихий, насмешливый — я слишком хорошо его знала: таким он звучал на вечеринках, когда Артём чувствовал себя хозяином положения. Я вскидываю голову. В углу камеры, где тень должна быть самой густой, стоит фигура. Высокая, в идеально сидящем костюме, которого здесь нет и быть не может. Артём. Он держит в руке бутылку воды. Капельки влаги стекают по стеклу, сверкая в воображаемом свете.

— Скучаешь, Лена? — его голос сочится сладкой ложью. — Скажи «да», скажи, что ты моя послушная овечка, и я дам тебе выпить. А потом мы вернемся домой. Ну же, детка. У тебя такой жалкий вид.

Мое горло пересохло настолько, что язык прилип к нёбу. Жажда становится невыносимой пыткой. Образ передо мной реалистичен: я вижу даже грязь на его лакированных туфлях, которую он всегда счищал с брезгливой гримасой. Но внутри меня что-то щелкает. Холодно. Отстраненно.

Бутылка не отбрасывает тени. Я смотрю на неё, пока не понимаю: настоящая фляга стоит у стены. И она пустая. Этот Артём ничего мне не даст.

— Иди к черту, — шепчу я. Голос срывается в хрип, сухие губы трескаются.

Артём-фантом усмехается, делает шаг ближе. Я зажмуриваюсь изо всех сил, пока веки не начинают дергаться. Когда открываю глаза — никого нет. Только пустой каменный пол и темнота. Я трогаю пол там, где были его туфли. Пусто. Ни воды, ни мужа. Слава богу, хоть второе правда.

Фляга давно пуста. Жажда не уходит; я снова встряхиваю её, но не слышу даже плеска. Я встаю на четвереньки, колени ударяются о холодный камень. Подползаю к стене. Пальцы скользят по шершавой поверхности, ища хоть какую-то влагу. Конденсат. Надежда на каплю. Прикладываю язык к камню.

Вкус мерзости. Плесень, гниль, пыль. Я отшатываюсь, давясь рвотным позывом. Сухость во рту только усиливается. Тишина вокруг становится оглушающей. Я хочу кричать, разорвать этот вакуум звуком, но связки сводит спазмом. Бессилие перед стихией внутри этой каменной коробки парализует конечности. Я падаю обратно на пол, лицом в холод.

Резкий скрежет металла по камню вырывает меня из оцепенения. Дверь открывается. Свет коридора бьет в глаза, режет сетчатку. На пороге стоит охранник. Крупный, сутулый,

с ножом за поясом. Он не смотрит на меня как на человека. Он смотрит на мусор, который нужно выбросить.

Он входит внутрь, толкнув ногой миску с остывшей кашей и кружку с водой. Посуда звякает о камень. Вода расплескивается по полу, образуя темное пятно рядом с моими пальцами. Охранник фыркает, ожидая благодарности или страха. Он хочет видеть, как я ползу к еде, как собака.

Я не двигаюсь.

Лежу неподвижно, закрыв глаза, отвернувшись от него. Он ждёт, что я попрошу подвинуть кружку или добавить воды. Я стискиваю зубы, сдерживая даже стон. Пусть уйдет. К еде я подползу, когда он перестанет смотреть.

Охранник сплевывает на пол, рядом с моей головой.

— Ешь, сука, пока дают, — цедит он сквозь зубы.

Прежде чем уйти, охранник швыряет к стене старую куртку и одеяло. Из кармана куртки торчат мятые квитанции. На табурете он оставляет свечу и коробок спичек. Я смотрю на них, пока дверь не захлопывается: теперь хотя бы можно увидеть, что я ем. Темнота возвращается, но теперь она пахнет рисовой кашей и мокрой землей.

Голод диктует свои условия: «Ешь быстро. Пока не отобрали. Пока не стало слишком поздно.» Рука сама тянется к миске. Но другой голос, тихий и рациональный, останавливает её. «А если там сонное средство? А если это приманка?» После горечи в ресторанном бокале мне страшно брать в рот что угодно, даже рис. Я медленно поднимаюсь, опираясь о стену. Голова кружится, перед глазами плавают черные точки.

Подхожу к посуде. Наклоняюсь, втягиваю носом воздух. Пахнет прело, но знакомо. Рис. Немного масла. Я макаю палец в воду, пробую кончиком языка. Горьковатый привкус металла, но той горечи, что была в бокале, я не чувствую. Кашу пробую понемногу. Холодная, вязкая, без странного послевкусия.

Жду, прислушиваясь к себе. Пять минут ничего не доказывают, но другого выбора у меня нет. Я начинаю есть. Жадно, глотая кусками, давясь, но стараясь контролировать ритм. Оставляю половину про запас. Доедая свою половину, уже могу подумать о следующем разе: придёт ли он с едой, надолго ли хватит оставленного. Пододвигаю миску к стене, чтобы не опрокинуть во сне. Даже эту мерзкую кашу жалко терять.

После еды приходит слабость. Сытость клонит в сон, но тело дрожит от холода камня. Страх заснуть и больше не проснуться парализует конечности. Темнота снова становится врагом. Чтобы не потерять рассудок, я вспоминаю лицо дочери. Алина. Ей четыре года. Я помню, как она задувала свечи, надув щеки и крепко зажмурившись. Где она? Артём сказал, что она в безопасности у мамы. Но после того, как он забрал документы...

Мысль о ребенке действует как кофеин. Я заставляю себя считать вслух дни недели.

— Понедельник. Вторник. Среда. Четверг...

Затем имена цветов. Роза, лилия, хризантема, орхидея.

Правила грамматики арабского языка, который я учила двадцать лет назад. Глагольные формы. Имена существительные.

На третьей глагольной форме сбиваюсь и начинаю сначала. Пока могу вспомнить следующую, надо вспоминать.

Тишина вокруг меняется. Она становится напряженной. Слышны шаги, и вместе с их звуком на меня давит тяжесть чужого присутствия. Кто-то стоит за дверью долго. Слишком долго для охранника.

Замок поворачивается мягко, почти бесшумно. Дверь открывается. На пороге не охранник.

Ислам.

Он выше, чем мне казалось в тех редких мгновениях, когда я видела его в дверях кельи. Широкие плечи заполняют весь проем, блокируя свет из коридора. Его лицо скрыто в тени, но я чувствую взгляд. Холодный, оценивающий, тяжелый. Он не говорит ни слова. Просто делает шаг внутрь и бросает на пол предмет.

Мой старый телефон. Тот самый, с разбитым экраном, который Артём забрал вместе с документами.

Экран вспыхивает в темноте, освещая каменные плиты. Там открыта переписка. Последняя строка, написанная три дня назад. Я узнаю его манеру: короткие фразы, ни одной запятой, человека он называет «бабой».

«Баба в горах сдохнет, никто не хватится. Главное, долг закрыт. Дочь заберу позже, если повезет».

Боль от предательства, которая была тупой ноющей раной, вдруг превращается в ледяное спокойствие. Мир вокруг замер. Я смотрю на экран, и каждая буква врезается в сознание, как гвоздь. Я перечитываю «никто не хватится». Он ведь не писал: помогите, угрожают, спасите жену. Он хвастался, что избавился от меня. И дочь оставлял на потом — если повезёт, если не помешает новой жизни. Кому он писал — старейшине или очередному приятелю, — я пока не знала.

Он стоит рядом, пока я перечитываю. Дал мне время найти оправдание Артёму — или убедиться, что его нет. Восемь лет я умела объяснить себе любую его подлость. Сейчас смотрю в экран и не нахожу слов.

Я поднимаю глаза на Ислама. В его взгляде нет жалости. Есть расчет. И что-то еще. Опасное, хищное напряжение, которое заставляет мою кожу покрыться мурашками. Я жду, что он потребует благодарности за телефон. Он молчит. За что благодарить? За сообщение, после которого я не знаю, плакать о дочери или рвать мужа зубами?

Ислам делает шаг назад, растворяясь в коридоре, и произносит единственную фразу, которая меняет всё:

— Ты свободна от него. Теперь ты моя проблема.

Глава 3

Ветер не выл — он ревел, как раненый зверь, застрявший в горном ущелье. Этот звук проникал сквозь каменные стены, вибрировал в моих костях, превращая ночь в бесконечную пытку. Ставни, которые я пыталась закрепить еще вчера, сорвало с петель одним рывком. В келью хлынул ледяной поток воздуха, смешанный со снегом. Снег таял у меня на ресницах. Я моргала, а на лицо летели новые хлопья — прямо туда, где должно было быть закрытое окно.

Я бросилась к проему, прижимая к себе тонкое одеяло. Ткань мгновенно пропиталась влагой и замерзла, превратившись в жесткую, колючую корку. Кисти онемели. Я пыталась прижать одеяло к груди, но ткань выскальзывала из ослабевших рук. Я понимала: если не найду тепло сейчас, до рассвета меня найдут уже мертвой. И Артёму будет всё равно. Он даже не посмотрит на часы, чтобы проверить, жива ли его «товарная позиция».

В отчаянии я схватила обрывки бумаг из кармана куртки — мусора, который оставил мне этот предатель. Рядом догорала свеча. Я поднесла к фитилю край бумаги, и она вспыхнула тусклым, жалким огоньком. Я грела над ним руки, чувствуя, как кожа трескается от мороза, а внутри растет черная, звенящая злоба. Я выживу. Не ради него. Ради неё. Ради дочки, чье лицо я помнила только по фотографиям, сделанным до того, как её у меня забрали.

Грохот снаружи изменился. Теперь это был не свист ветра, а глухой, утробный рык земли. Снежная лавина? Камнепад? Что-то огромное и тяжелое обрушилось на дом, сотрясая стены. Дверь, которая раньше лишь шаталась, вдруг перестала поддаваться моим рывкам. Ручка болталась; с этой стороны я не могла ни отпереть замок, ни понять, завалило ли коридор.

— Помогите! — крикнула я, колотя кулаками в дерево. Крик сорвался на визг, глотая снег. — Вы слышите меня?! Откройте!

Тишина была ответом. Только гул гор, давящий на уши, и стук моего собственного сердца, выбивающего ритм паники. Осознание накрыло меня волной тошноты: меня не просто держали здесь. Меня погребли заживо. Если буря продолжится, этот каменный мешок станет моей могилой, и никто никогда не узнает, где я лежу. Артём скажет, что я сбежала. Старик скажет, что я умерла своей смертью. А правда останется под слоем льда и снега.

Холод пробрался под кожу, добрался до мозга. Меня начало трясти так сильно, что челюсть болела. Сознание плыло, картинки перед глазами становились размытыми, серыми. Страх смерти затмил страх предательства. Перед внутренним взором замаячило лицо дочери — маленькое, смуглое, с большими темными глазами.

— Алина... — прошептала я, сворачиваясь в клубок, обхватывая колени руками. — Алина, мама здесь. Мама держится.

Тело дрожало мелкой, неконтролируемой дрожью. Я начала засыпать, и это было самое страшное, что могло случиться. В этот момент, когда веки уже смыкались, раздался скрежет у двери. Кто-то снаружи навалился на неё плечом, затем в замке повернулся ключ. Дверь приоткрылась, впуская порцию свежего, морозного воздуха. Но за ней стоял не охранник с ножом.

На пороге возник Ислам. Высокий, закутанный в черное пальто, которое сливалось с тенями ночи. Его лицо было спокойным, почти скучающим, будто он вышел не спасать пленницу, а проверить, не остыл ли чай. Он смотрел на меня, свернувшуюся на полу, как на сломанную игрушку, которую можно либо починить, либо выбросить. В его руках был термос. Пар от крышки слегка касался его лица.

Я не двинулась с места. Смотрела на пар над термосом и ждала, что он потребует за один глоток. Я подняла голову, встречая его холодный взгляд. Голос дрожал, но слова были четкими.

— Что ты хочешь взамен?

Ислам проигнорировал вопрос. Он шагнул внутрь, оставляя дверь открытой для ветра, и сел на грубо сколоченный табурет у дальней стены. Занял пространство так естественно, словно это был его кабинет, а не тюрьма.

— Буря продлится три дня, — произнес он низким, бархатным голосом. Акцент был мягким, певучим. — Дороги закрыты. Телефонная связь оборвана. Даже если бы ты хотела бежать, тебе некуда идти.

Он молчал, изучая меня. Это была проверка. На прочность. На то, буду ли я ныть, умолять или просто слушать. Я медленно протянула руку и взяла протянутый термос. Пальцы все еще были деревянными, но хватка стала тверже. Я сделала глоток. Горячий чай обжег горло, разливаясь по телу блаженным теплом. Голова прояснялась. Я заметила деталь, которая ранее ускользнула: на нем не было оружия. Ни пистолета в кобуре, ни ножа на поясе. Но его руки лежали на коленях спокойно, расслабленно. Человек, которому не нужно оружие, потому что он сам является угрозой. Или тот, кто контролирует тех, кто носит оружие.

Я решила играть в его игру. Ждать. Молчать.

Ислам достал из внутреннего кармана телефон. Экран вспыхнул в полумраке кельи. Он повернул устройство ко мне. На фотографии Артём сидел в ресторане внизу долины. Он смеялся, запрокинув голову назад, с бокалом в руке. Рядом с ним сидела женщина — молодая, красивая, дочь старейшины. Та самая, ради которой мой муж продал меня за долги.

— Он уже забыл тебя, — констатировал Ислам. Он убрал экран раньше, чем я успела рассмотреть её лицо. Зато Артёмов бокал я увидела отлично. Ему наливали вино, пока я грела пальцы над клочком бумаги. — Для него ты — списанный расход. Статья убытков.

Укол боли был резким, острым, как заноза под ногтем. Я сжала кулаки, пока ногти не впились в ладони. Ногти оставили на ладонях четыре полумесяца. Я разжала кулаки: если начну плакать сейчас, он будет говорить с моими слезами, а не со мной. Я посмотрела прямо в глаза хозяина гор.

— Он трус, — сказала я. Голос звучал хрипло, но твердо. — А ты? Ты тоже продаешь людей?

Я ждала, что он разозлится на слово «продаешь». Артём обычно начинал кричать, когда ему называли цену его поступка. Этот мог ударить. Но если я не спрошу сейчас, мы так и будем делать вид, что он оказывает мне услугу.

Ислам усмехнулся. Коротко, сухо. Уголок его рта дернулся вверх.

— Я торгую услугами, а не людьми. Как и твой муж. Разница лишь в качестве товара, — он сделал паузу, давая словам осесть в воздухе. — Мой бизнес задыхается без грамотных документов, без связей с внешним миром. Мне нужен переводчик. Советник. Тот, кто знает языки, законы и правила игры этого города.

Он назвал цену. Безопасность. Крыша над головой. Еда. И главное — доступ к информации.

— Ты станешь частью системы, — добавил он, глядя на меня внимательно. — Не пленницей. Сотрудником.

Я поняла, что это ловушка другого рода. Золотая клетка вместо каменной. Но выбор между смертью в снегу и жизнью в доме человека, который знал, как пережить эту стихию, был очевиден. Ислам не был врагом Артёма в прямом смысле. Он был конкурентом. Артём продал жену за долги. Ислам покупал её услуги за статус. Слово «переводчик» я услышала яснее всех остальных. До Артёма у меня были заказы, сложные переговоры, люди, которые ждали моего ответа. Он умудрился убедить меня, что всё это мелочи. А этот сидел передо мной с термосом и ждал ответа о работе. Ему нужен был мой перевод. Значит, хотя бы об этом можно спорить.

— Условия, — произнесла я.

Ислам кивнул.

— Перевод переговоров. Подготовка контрактов. Полный доступ к архивам рода, если заслужишь доверие. Взамен — защита, жилье, питание. И право видеться с дочерью. Один раз в неделю. Под присмотром.

Сердце пропустило удар. Дочь. Он знал о ней. Он использовал её как рычаг давления, как приманку. Он дождался, пока я согреюсь чаем, и назвал дочь. Я сжала термос так, что крышка скрипнула. Теперь он знал, чем заставить меня слушать.

— Почему я должна тебе верить? — спросила я, хотя ответ уже читался в его спокойствии.

— Потому что у тебя нет выбора, — сказал он просто. — И потому что Артём уже попытался тебя убить своим равнодушием. Я же предлагаю жизнь.

Я встала. Ноги подкашивались от холода и слабости, но я выпрямила спину. Посмотрела вниз, в долину, где в окнах ресторана мерцал свет жизни, которой меня лишили.

— Хорошо, — сказала я.

Ислам протянул руку, чтобы помочь мне опереться. Его пальцы были холодными, но хватка железной. Он удержал меня, когда ноги снова подогнулись, и я почувствовала силу, скрытую в этом простом жесте. Он не отпускал мою руку, пока я не утвердилась на ногах.

— Дочь спит в соседней комнате, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. В этих словах было больше ужаса, чем в любом крике бури за окном. — Она в безопасности. Я знал о ней всё время. Ещё до того, как ты сюда попала.

Мир качнулся. Он организовал защиту матери и дочки ещё до предательства Артёма? Он видел во мне не жертву, а достойную женщину? Или он просто планировал эту сделку заранее, расставляя фигуры на доске?

Я выдернула руку из его захвата, но не отступила. Тепло тела Ислама осталось на моей коже, противное и притягательное одновременно.

— Зачем? — спросила я одними губами.

Он не ответил. Просто развернулся и вышел в коридор, оставив дверь открытой. Снег летел внутрь. Я прижимала термос к груди и не могла заставить себя двинуться к открытой двери. Дочь так близко — а он всё это время позволял мне думать, что она могла погибнуть. Я уже сказала «хорошо». Теперь хотелось догнать его и заставить открыть соседнюю комнату. Увидеть дочь — прежде чем переводить хоть одно его слово.

Глава 4

Буря снаружи выла, как раненый зверь, но внутри каменной кельи стало тихо и опасно. Тишина была тяжелее ветра. Она давила на уши, заставляя сердце биться где-то в горле.

Ислам вошел без стука. Дверь не скрипнула — он просто был здесь, заполняя собой пространство так, что воздуха стало меньше. Я сидела на полу, спиной к холодной стене, обхватив колени руками. Куртка на мне висела мешком, ткань пахла пылью и чужим страхом. Но я выпрямила спину.

Он остановился в двух шагах. Высокий, широкий в плечах, в темном свитере, который подчеркивал силу мышц под тканью. Его глаза — серые, как ледяная вода горных рек — скользнули по мне сверху вниз. Не с желанием. С оценкой. Как смотрят на лошадь перед аукционом: крепкая ли шея, чистая ли кровь.

— Буря стихает, — сказал он. Голос низкий, бархатный, от которого у меня заныло в животе. Странное чувство для пленницы. — Ты жива. Это хорошо. Завтра начнем работу.

Я не встала. Не опустила глаз.

— Где моя дочь?

Ислам усмехнулся. Коротко, сухо.

— В безопасности. Раньше времени ты её не увидишь. Сначала — документы. Потом — результат. Таков порядок.

«Порядок». Слово, которое Артём использовал, чтобы оправдать свою трусость. Слово, которым старейшины прикрывали свои грехи. Меня тошнило от этого слова.

Я медленно поднялась. Ноги гудели от холода, но я держалась ровно. Подошла ближе, нарушая дистанцию, которую он считал своей привилегией.

— Я не буду переводить ни одного слова, пока не увижу, что мой ребенок жив, — сказала я. Голос дрогнул, но я заставила его звучать твердо. Слово «ребенок» едва не сорвалось в крик. Я произнесла его медленнее. Пусть слышит условие, а не просьбу. — Без этого я отказываюсь быть твоим голосом. Можешь убить меня прямо сейчас. Или можешь оставить меня здесь замерзать до весны. Мне все равно.

Ислам замер. Он посмотрел на мой рот, затем снова в глаза. Не ответил сразу. Я удержала паузу: после таких условий нельзя первой начинать оправдываться.

Его ноздри чуть расширились. Он сделал шаг ко мне. Один шаг. Мы оказались вплотную. Я чувствовала запах кожи, дорогого табака и горьких трав — полыни или чего-то похожего. Этот запах был властным, мужским, пугающим и одновременно притягивающим. Он навис надо мной, возвышаясь ростом, заставляя задирать голову.

— Ты всё ещё в моём доме, Елена, — прошептал он, и от этого шептания по спине побежали мурашки. — Под моей защитой. И под моей рукой. Ты забыла, кто здесь хозяин?

Я не отступила. Ни на миллиметр. Я посмотрела ему прямо в глаза, отмечая белый шрам, пересекающий скулу, и напряжение в его челюсти, которое говорило о том, что я задела струну. Он всё ещё слушал, хотя мог оборвать меня, как Артёма. Я заметила это и заговорила прежде, чем он передумает.

— Хозяин тот, кто контролирует ситуацию, — ответила я, глядя ему в рот. — А ты контролируешь только мои ноги. Мой разум и мой язык — это единственное, что имеет для тебя ценность. Если ты хочешь использовать этот инструмент, перестань ломать его ручку.

Пауза затянулась. Буря снова ударила в ставни, но мы оба не моргнули. Я видела, как в глубине его глаз мелькнуло что-то новое. Не гнев. Уважение? Или расчет?

Он резко отвернулся и достал из кармана телефон. Экран засветился тусклым голубым светом.

— Смотри.

Я подошла. На видео была комната. Теплая, уютная, с ковром на полу. Маленькая девочка лет четырех спала, свернувшись калачиком, обнимая плюшевого медведя. Рядом, у двери, стоял охранник. Спокойный, внимательный.

Сердце пропустило удар. Алина. Она дышала ровно. Она была цела.

— Я могу дать тебе это, — сказал Ислам, не отрывая взгляда от экрана. — Но могу и забрать. Договор о полном подчинении твоих навыков моему клану на пять лет. Подпись здесь.

Он протянул мне бумагу и ручку. Черновик. Сухо, юридически грамотно, но жестоко. Пять лет рабства за безопасность дочери.

Я взяла ручку. Мои пальцы дрожали, но я стиснула их в кулак. Я посмотрела на видео еще раз. Камера захватила угол стены за кроваткой Алины. Там, на фоне деревянных панелей, висело изображение. Герб. Орел, расправивший крылья над двумя скрещенными кинжалами.

Я знала этот символ. Артём рассказывал о нём, когда хвастался своими «связями» в горах. Это не просто дом охраны. Такие гербы висели в родовом доме Ислама. Самая защищенная точка ущелья.

Алина в его доме. Не в чужом подвале и не на дороге. Но герб не доказывал, что её не держат в заложниках: охранник у двери всё ещё смотрел на часы.

Это меняло всё.

Я рванула черновик договора пополам. Звук разрыва бумаги в тишине прозвучал как выстрел. Ислам вздрогнул.

— Нет, — сказала я, отбрасывая обрывки на пол. — Я не подписываю чужие условия. Я пишу свои.

На табурете рядом с договором лежали чистые листы. Я схватила один и начала писать быстро; ручка цеплялась за грубую бумагу.

1. Доступ к ребенку еженедельно.

2. Юридическая чистота статуса после развода с Артёмом.

3. Процент от сделок, которые я заключу для клана.

Ислам наблюдал молча. Когда я написала пункт о праве на развод через городской суд, он перехватил мою руку. Его пальцы были горячими, сухими и сильными. Больно.

— Закон здесь другой, — произнес он жестко. — Городские бумаги против родового слова ничего не стоят. Твоя свобода иллюзорна, Елена. Перестань играть в юриста.

Я выдернула руку. Потерла запястье, чувствуя, как кожа горит.

— Если я буду свободна только формально, то стану мертвым грузом для твоего бизнеса, — парировала я, глядя ему в лицо. — Артём может подать иск о возврате жены. Или о разделе имущества. Если я буду числиться его женой, он попытается оспорить мои доходы и долю в бизнесе. Тебе придется доказывать, что это оплата моей работы, а не его деньги. Тебе нужна юридическая чистота, чтобы никто не мог использовать мой статус против твоего клана. Логика, Ислам. Чистая логика.

Он прищурился, посмотрел на обрывки договора. К моему запястью больше не потянулся. Я ждала возражения про развод; он молчал.

В дверь постучали. Три коротких удара.

Голос слуги, тихий и почтительный, долетел из коридора:

— Хозяин. Гончий от Артёма. Требует вернуть «вещь» или заплатить штраф. Говорит, иначе сожжет мосты в долине.

Напряжение в комнате резко выросло. Ислам напрягся, его тело стало похожим на натянутую тетиву лука. Он повернулся ко мне, ожидая реакции. Страх? Панику? Просьбу спрятаться?

Я осталась у табурета. Чистых листов ещё хватало; прижав верхний к дереву, снова взяла ручку.

— Скажи гончему, пусть ждет, — бросила я Исламу, не поднимая глаз от листа.

Мои руки двигались быстро. Я рисовала не текст. Я рисовала карту. Маршруты. Точки перевалов. Схемы контрабанды, которую Артём вел через горы последние три года, используя наши с ним деньги и мое неведение. Я помнила каждый номер машины, каждую дату встречи, которую он диктовал мне в телефон, считая меня глухой и глупой женой-переводчицей, которая занята только стиркой и готовкой.

Я соединила линии. Несколько раз обвела ключевые узлы, чтобы они выделялись среди маршрутов. Место хранения оружия. Точка перегрузки наркотиков. Имя того, кто покупает товар в столице.

Когда я закончила, на табурете лежала схема, которая могла уничтожить репутацию Артёма в долине за один день. Местные авторитеты ненавидят тех, кто трогает их границы ради личной наживы. Они не простят предательства.

Я повернула лист к Исламу.

— Деньги ему не нужны. Ему нужен паспорт и жизнь. Но если ты хочешь, чтобы он исчез навсегда, отдай ему это. Пусть узнает, что его «бизнес» теперь принадлежит твоему клану.

Ислам взял лист. Его пальцы коснулись моих. На секунду. Долгая, тягучая секунда, от которой у меня перехватило дыхание. Он изучал рисунок. Его глаза бегали по линиям, проверяя достоверность.

— Откуда ты знаешь эти маршруты? — спросил он тихо.

— Я переводила его переписку с партнерами, пока он спал пьяным, — ответила я. — Он думал, что я тупая.

Ислам положил лист обратно на табурет. Он подошел к окну. За стеклом бушевала белая стена снега, но ветер уже слабел.

— Информация имеет цену, Елена, — сказал он, спиной ко мне. — Если Артём узнает, кто сдал его, он пойдет на крайние меры. Он труслив, но загнанный в угол зверь опаснее льва. Одной местью он уже не ограничится.

— Я согласна на риск, — произнесла я. И сама удивилась, что произнесла это без запинки. — Но есть условие.

Ислам обернулся.

— Какое?

— Я хочу видеть дочь завтра утром. Наяву. Не через экран телефона. Проверка твоего слова.

Тишина длилась вечность. Буря стихла; в наступившей тишине я слышала, как вода капает с сорванной ставни. Ислам долго молчал, изучая мое лицо. Я держала взгляд, хотя на видео всё ещё помнила маленькую ладонь на плюшевом медведе. Если он откажет сейчас, никаких пояснений к карте больше не получит.

Он подошел к табурету, снял с пояса связку ключей и отделил один. Тяжелый, старый, с потемневшим металлом.

Протянул его мне.

— Завтра в шесть утра, — сказал он. — Ты будешь там.

Я взяла ключ. Он был ледяным. Холод металла обжег ладонь, передаваясь по руке к сердцу.

— Но помни, Елена, — Ислам шагнул к двери, открывая её в темноту коридора. Свет из комнаты резанул по его лицу, выделив шрам и жесткую линию подбородка. — Ты больше не пленница. Ты — моя тень. Завтра придёшь с этим ключом сама, а не с охранником. Посмотрим, что ты сделаешь с открытой дверью.

Он вышел. Дверь закрылась с мягким щелчком замка.

Я осталась одна. В руке был ключ. Тяжелый и холодный.

Я посмотрела на свое отражение в темном стекле окна. Женщину с глазами хищника и губами, сжатыми в тонкую полоску.

Я сжала ключ, проверяя зубцы большим пальцем. В шесть утра я проверю этот замок и его обещание. А карту он уже видел. Впервые за дни плена у меня было что-то, кроме страха, чем можно заставить его считаться.

Глава 5

В шесть утра ключ открыл внутреннюю дверь. Хадиджа позволила мне заглянуть в детскую: Алина спала с медведем. Подойти старуха не дала. Я увидела живую дочь, как он обещал, — и пришла требовать большего.

Кабинет Ислама пах старым деревом, воском и чем-то тяжелым, металлическим — запахом денег, которые здесь не считали, а взвешивали. Я сидела на жестком стуле с прямой спинкой, чувствуя, как холод камня под ногами проникает сквозь тонкую ткань моего домашнего платья. На столе перед ним лежал лист бумаги. Плотный, дорогой, с водяными знаками.

Ислам молчал. Он просто смотрел на меня своими серыми, непроницаемыми глазами, ожидая, пока я возьму ручку. В документе не было ни слова о моих правах. Ни строчки о свободе передвижения. Только обязательства: переводить, молчать, жить там, где скажут. Это был контракт раба, завернутый в шелковую обертку вежливости.

Я отодвинула бумагу ладонью. Край листа задел ручку; та покатилась к Исламу. Он остановил её пальцем.

— Я не буду подписывать это, — сказала я. Голос дрогнул, но я заставила себя говорить четко. — Если вы хотите держать меня как собаку на цепи, то и кормите меня как собаку. Но я не стану переводчиком для тех, кто видит во мне только инструмент.

Ислам не моргнул. Его лицо оставалось маской, но в глубине глаз что-то шевельнулось. Не гнев. Интерес. Как у хищника, который вдруг заметил, что жертва оскалилась.

Он медленно поднялся. Его тень легла на мою руку, лежащую на столе.

— Вы забыли, где находитесь, Елена. За этой дверью — горы, которые убивают чужих. Здесь же... — он сделал паузу, подбирая слово, — ...здесь я даю вам крышу над головой. Артём жив. Он здоров. И он уже готовит свадьбу с дочерью старейшины. Если я «потеряю интерес» к вашей защите, вас найдут его кредиторы. Или сам бывший муж. А они не будут вести переговоры. Они просто заберут то, что им должно.

Сердце колотилось так, что я слышала его стук в висках. Страх был реальным, липким и холодным. Но внутри него горело что-то другое. Злость. Чистая, яростная злость на свою прошлую жизнь, на этого мелкого труса, который продал меня ради статуса.

Я полезла в карман куртки. Мои пальцы сомкнулись на гладком пластике телефона. Того самого, который Ислам бросил на пол кельи. Я включила экран. Свет дисплея осветил мое бледное лицо.

— Смотрите, — я развернула телефон к нему.

На экране была переписка в мессенджере. Скриншот сообщения Артёма своему новому тестю. Текст был коротким и мерзким: «Избавился от балласта. Старуха бесполезна, язык не тот. Девочка из аула лучше. Долг закрыт, совесть чиста».

Ислам взял телефон. Его большие пальцы скользнули по экрану. Он читал медленно, губы едва заметно сжимались. Он дочитал, но задержал аппарат в руке. Его взгляд стал другим. Я не торопилась его забирать. Пусть ещё раз увидит, кому мой муж приписал покупку жены и сколько людей могут прочитать это сообщение. Артём хвастался тем, что продал жену хозяину ущелья. Для местных это не бизнес. Это позор. Наконец он вернул мне телефон.

— Компромисс, — произнес Ислам. Он снова сел, скрестив руки на груди. — Вы будете жить в отдельном крыле дома. Без права выхода за пределы аула. Но взамен я требую клятвы верности роду. Слово чести.

— Клятва — это пустой звук для человека, который боится голода, — ответила я. — Моя верность покупается не словами. Она стоит действий. Гарантий безопасности для моей дочери. Права на собственное имя. И документов. Настоящих, не фальшивых бумаг для бегства.

Я положила телефон рядом с документом. Его обязательства и мои требования теперь лежали на одной столешнице. Он смотрел то на экран, то на меня. Он изучал меня, оценивая риск. И вдруг дверь кабинета распахнулась без стука.

Вошел Хамзат. Старший брат Ислама. Широкий в плечах, с лицом, изборожденным шрамами и презрением. Он не посмотрел на меня сразу. Сначала он уставился на брата, затем перевел тяжелый взгляд на меня. От него несло табаком и агрессией.

— Позор, — одно слово сорвалось с его губ, как плевок. — Ты держишь городскую шлюху в своем доме? Артём — ничтожество, но он мужчина. Эта баба — товар. Отдай её ему за деньги. Закрой вопрос. Род не должен знать слабостей главы клана из-за чужих жен.

Я сцепила пальцы под сиденьем. Если встану сейчас, Хамзат получит то, за чем пришел: женщину, которую можно вытолкнуть из кабинета. Мне хотелось кричать, плакать, убежать. Но я заставила себя поднять голову. Я посмотрела Хамзату прямо в глаза. Молча. Не отводя взгляда. Не показывая страха.

Хамзат фыркнул, делая шаг ко мне, чтобы, вероятно, схватить за подбородок.

— Сядь, Хамзат.

Голос Ислама был тихим, но в нем звучало столько стали, что воздух в комнате будто загустел. Брат замер. Он повернулся к Исламу, и в его глазах мелькнуло удивление, граничащее со страхом.

— Ты защищаешь её? Перед лицом рода?

— Я решаю, кому быть хозяйкой этого дома, — отрезал Ислам. — Выйди.

Хамзат сверкнул глазами на меня, затем на брата. Он хотел сказать еще что-то, но проглотил гордыню. Развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась пыль.

Я посмотрела на дверь, за которой исчез Хамзат. Он ведь вошёл без стука. Пока Ислам сидел напротив, брат ушёл по его слову. А если я встречу Хамзата в коридоре одна?

Ислам снова наклонился к столу. Его лицо стало жестче.

— Вы правы, что не доверяете моим людям. Но вы ошибаетесь, думая, что можете диктовать условия.

Он открыл ящик стола и достал маленький бархатный мешочек. Высыпал на стол кольцо. Простое, массивное, из золота с черным камнем. Знак принадлежности.

— Новый формат. Вы становитесь моим официальным советником по международным связям. У вас будет паспорт. Банковский счет. Право ездить в город. Но взамен вы обязаны быть рядом со мной всегда, когда я работаю. И носить это кольцо. Как знак того, что вы принадлежите этому дому.

Я посмотрела на кольцо. Чёрный камень был шире моего ногтя. С таким знаком на руке любой разговор начнётся с него, а не с моего имени.

— Мне уже есть чем доказывать, что я работаю на вас. Вы видели карту. Кольцо я носить не буду, Ислам. Хотите верности — дайте мне выполнять работу, а не показывать всем, чей я человек.

Его брови взлетели вверх. Он не ожидал отказа. Никто не отказывался от власти, которую он даровал. Он долго молчал, изучая меня. Затем резко кивнул.

— Хорошо. Без кольца. Но помните: отсутствие символа не означает отсутствия контроля.

В этот момент зазвонил его телефон. Резко, пронзительно. Экран светился именем: «Артём».

Ислам посмотрел на меня. Потом на телефон. И включил громкую связь.

Голос Артёма ворвался в комнату визгливым, истеричным потоком.

— Верни её! Это моя собственность! Ты не имеешь права! Я вызову полицию! Я расскажу всем в СМИ, что ты прячешь людей! Я найму адвокатов, я уничтожу твой бизнес! Верни Елену, иначе я добьюсь ареста!

Я слушала этот голос — тот, что когда-то шептал мне слова любви, а теперь орал требования. Я отодвинулась от динамика: хотелось оттереть ухо после каждого его «моя собственность».

Ислам ждал. Он смотрел на меня, давая возможность ответить.

Я взяла телефон. Палец завис над кнопкой отбоя, но я не нажала её. Вместо этого я поднесла аппарат к губам.

— Артём, — мой голос был ровным, спокойным, как поверхность озера перед штормом. — Полиция в этих горах занята более важными вещами. Например, поисками твоего долга перед Каспаром. Тем самым, который ты пытался скрыть, продавая меня. Помнишь сумму? Три миллиона долларов. И помнишь, кто держит твои документы в сейфе? Если ты начнешь шуметь, Каспар узнает, что ты попытался уйти. А он не любит, когда клиенты пытаются уйти.

Повисла секундная пауза. Я слышала, как на том конце провода Артём судорожно глотает слюну.

— Ты... ты не можешь... — прошептал он, и в его голосе впервые прорезался настоящий ужас.

— Могу, — сказала я. — И сделаю. Если ты еще раз позвонишь сюда.

Я сбросила вызов. Тишина после этого звонка была оглушающей. Ислам смотрел на меня, а не на мои документы. Взгляд у него изменился. Я положила аппарат на стол. Вызов я закончила сама; руки ещё дрожали, но Артём этого уже не видел.

— Ты продемонстрировала полезность, — сказал он. — И жестокость. Мне нравится второе.

Мы вышли на застеклённую веранду. Из щели в раме тянуло ледяным воздухом. Долина внизу тонула в сумерках, пики гор окрасились в багровый цвет заходящего солнца. Красота была такой агрессивной, что хотелось отвернуться.

Ислам остановился у парапета. Он не смотрел на пейзаж. Он смотрел на меня.

— Есть один нюанс, Елена. Дочь упала во дворе, ушибла спину. Её осмотрел врач из районной больницы. Сейчас ей нужен покой.

Он протянул мне заключение. Ушиб, без перелома. Внизу стояли фамилия врача и номер телефона. Я переписала номер себе: о ребёнке буду спрашивать у него.

Я напряглась. На видео Алина спала — по нему я не могла понять, что с её спиной.

— Если вы попытаетесь уйти тайком, — продолжил он, понизив голос, — Артём перехватит вас. Ему нужен новый залог вместо вас. Я не выпущу вас с ребёнком на дорогу, где ждут его люди. Хотите ненавидеть меня — ненавидьте. Но здесь останетесь.

Кровь отхлынула от лица. Я шагнула назад от парапета. На видео Алина спала с медведем. Он мог назвать болезнь дочери и тут же запретить мне уходить — как будто согласие уже получено. Этот человек не спаситель. Он такой же монстр, как Артём, только умнее, терпеливее и опаснее. Он держал мою дочь за запертой дверью, а её безопасность использовал как рычаг. Я заключала договор не с рыцарем, а с дьяволом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.